

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

В самом центре
Москвы в храме
Василия Блаженного
уже много веков скрыта
великая тайна...

Виктория Лисовская

Клад Василия Блаженного

Артефакт & Детектив

Виктория Лисовская

Клад Василия Блаженного

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лисовская В.

Клад Василия Блаженного / В. Лисовская — «Эксмо»,
2021 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-116694-6

Храм Василия Блаженного – подлинное сокровище архитектуры и научной мысли русского зодчества XVI века. Но мало кто знает, что в стенах собора скрыта великая тайна, разгадать которую по силам только избранным... В храме Василия Блаженного прямо во время экскурсии, которую ведет гид Елена Сеницкая, умирает один из посетителей. Он погибает при странных обстоятельствах рядом с могилой святого Василия, и у Лены создается впечатление, будто он что-то там искал. А на следующий день выясняется, что убит профессор Плотников – научный руководитель Сеницкой, который как раз занимался изучением эпохи правления Ивана Грозного и архитектуры XVI века. Перед смертью Плотников успел написать на листе бумаги какой-то шифр...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116694-6

© Лисовская В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Москва. Центр. Наши дни	6
1552 год от Рождества Христова, или 7060 год от сотворения мира.	8
Где-то недалеко от Кремля	
Москва. Центр. Наши дни	11
1555 год. Москва. Кремль	17
Москва. Храм Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, более известный как храм Василия Блаженного	21
1558 год. Город Москов	28
Москва. Наши дни	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виктория Лисовская

Клад Василия Блаженного

Роман

Все события, описанные в книге, вымышленные, а любые совпадения – случайны...

От автора

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Лисовская В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Москва. Центр. Наши дни

– «Я видел его лишь издали и совершенно очарован. Вообразите себе скопище маленьких, разной высоты башенок, составляющих вместе куст, букет цветов; вернее, или, еще лучше, разноцветный кристалл, ярко сверкающий своими гладкими гранями в солнечных лучах, как бокал богемского или венецианского стекла, как расписной делфтский фаянс, как лаковый китайский ларец: это чешуйки золотых рыбок, змеиная кожа, расстеленная поверх бесформенной груды камней, головы драконов, шкура хамелеона, сокровища алтарей, ризы священников; и все это увенчано переливчатыми, как шелка, шпильями; в узких просветах между нарядными щеголеватыми башенками сияет сизая, розовая, лазурная кровля, такая же гладкая и сверкающая на солнце; эти пестрые ковры слепят глаза и чаруют воображение». – Вы уже, наверное, догадались, что же описывал известный французский путешественник девятнадцатого века маркиз Кюстин Астольф в своей книге «Россия в тысяча восемьсот тридцать девятом году». Мы с вами сейчас находимся рядом с этим чудом света, чудом не только России, но и объектом международного исторического значения! Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, больше известный, как храм Василия Блаженного! – экскурсовод Елена Сеницкая заученным движением поправила шелковый шейный платок и продолжила свою лекцию.

Сеницкая обожала свою работу, о Москве и ее достопримечательностях она могла рассказывать часами, а если за это еще и платят деньги – так вообще работа-мечта. Только Елена терпеть не могла, когда ее не слушали или даже игнорировали.

Если не интересно, так зачем же согласились на экскурсию по храму?

Сеницкая уже несколько раз кидала гневные и вопросительные взгляды на высокого худого мужчину, который ну совершенно не хотел ее слушать. Он все время отвлекался, то принимался копаться в телефоне, в абсолютно простой и дешевой модели, то отходил от группы при прохождении церкви храма. Его часто приходилось ждать.

– Строительство храма Василия Блаженного велось с тысяча пятьсот пятьдесят пятого по тысяча пятьсот шестьдесят первый год. Собор объединяет одиннадцать церквей – приделов, часть из которых освящена в честь святых, дни памяти которых пришлось на решающие бои за Казань, – уверенным профессиональным голосом продолжила Елена.

Она знала, что ее экскурсии интересны и поучительны, что после них туристы всегда благодарят со слезами на глазах, что многие возвращаются снова и снова, чтобы узнать незнакомую для них столицу и один из главных ее символов.

Елена Сеницкая всегда долго и кропотливо готовилась к каждой экскурсии, потому ее безумно раздражало поведение долговязого. Этот худой мужчина совсем не походил на обычных посетителей храма и любителей истории.

Сейчас группа Сеницкой состояла из девяти человек. Обычно больше десяти она и не брала никогда. Сложно держать большую аудиторию, да и церквушки внутри очень малы, большее количество людей и не протиснется.

Вот и сегодня было девять – две бодрые старушки-пенсионерки, жаждущие новых впечатлений, девчонка-студентка лет двадцати, неформалка с дредами, парень – типичный ботаник в очках, гости столицы: полненькая женщина лет сорока пяти с пятнадцатилетним сыном, который даже в церкви умудрялся из рюкзака лакомиться сэндвичем из фастфуда. Он думал, что Елена не видит этого. Но на него она уже несколько раз выразительно взглянула. Мужчина-пенсионер с военной выправкой и прямой спиной и вот этот худой и длинный.

У него был какой-то изможденный вид и бегающие глазки, которые, казалось, жили какой-то своей жизнью. Он все время сновал вдоль стен, и от его передвижений у Елены холодели ладони. Какой-то странный субъект!

Елена вела экскурсию по храму, но сама все время присматривалась к худому. От него почему-то веяло опасностью, а своим ощущениям Синицкая привыкла доверять.

– Собор Покрова Пресвятой Богородицы является таким же символом Москвы, как Нотр-Дам – символом Парижа.

– Ой, вы слышали, он же сгорел недавно, в прошлом году. Такой кошмар был, пожар страшный, мы по телевизору смотрели, – затрещала одна из старушек.

Елена различала их только по цвету седых кудряшек. У старушки номер один кудряшки были абсолютно белые, а старушка номер два красила свои волосы в светлый оттенок фиолетового.

Отмахнувшись от говорливой бабушки, Елена продолжила:

– Сейчас мы с вами находимся в одной из главных церквей собора – церкви Василия Блаженного. Над захоронением самого святого установлена арка, украшенная резной сенью – одна из наиболее почитаемых московских святынь. Рака святого в этой части была разрушена в Смутное время, однако сохранился лежащий на ней покров с шитым образом Василия Блаженного, изготовленный в мастерских Ирины Годуновой и выполненный из атласа и шелка золотыми нитями, что способствовало...

– А что, здесь реально гроб святого Василия? И он реально здесь лежит? – грубый и глухой голос раздался рядом.

От неожиданности Елена вздрогнула, она ненавидела, когда ее перебивают, но не ответить худому, а это именно он спросил, она не могла.

Неужели он заинтересовался экскурсией? Не поздно ли?

– Да, здесь, реально, – на последнем слове Синицкая сделала ударение, – здесь реально похоронен святой Василий Блаженный, также известный как юродивый Василий Нагой – один из покровителей Москвы.

– Уродивый! Ха-ха, – захихикал пухлый малолетний любитель фастфуда, – Мама, прикинь, она сказала «уродивый».

– Не уродивый, а юродивый. Василий Блаженный – легендарный московский юродивый. Святой чудотворец, обладавший даром прозрения. А юродство – это такой христианский подвиг, заключающийся в намеренном стремлении казаться безумным. Юродивый Василий ходил по Москве абсолютно голый, даже в лютые морозы. Потому у него и есть второе имя Василий Нагой. Он прославился многими чудесами...

Экскурсия плавно перетекла в следующий зал, Синицкая чувствовала аудиторию, рассказывала о красивейших древних иконах храма.

– Советский и российский филолог, академик Дмитрий Лихачев высказывал мнение о том, что собор оказался своего рода символом русского характера: «Храмина-домины вроде бы огромна, широка, размашиста, а войдешь внутрь – так и помолиться-то особенно негде, малы и тесны клетушки-церквушки».

Только в этот момент Елена заметила, что худого и долговязого она не видит в своей группе. Куда же он делся и где он отстал? Она видела его в последний раз у захоронения святого Василия. Где же он теперь?

Елена отвечает за группу, за каждого из ее членов, какими бы странными и неприятными типами они ни были.

Синицкая принялась оглядывать зал, где они сейчас расположились.

Ну да, все, кроме худого, здесь, на месте.

В этот момент ее лекцию все же перебили. Раздался жуткий протяжный звериный крик, от которого кровь застыла в жилах.

Причем крик шел со стороны церкви Василия Блаженного...

1552 год от Рождества Христова, или 7060 год от сотворения мира. Где-то недалеко от Кремля На Алевизове рву

– Ванька! Ванька! Да где этот паршивец? Сколько можно звать тебя, вот поймаю, за уши оттаскаю, шить чего задумал! Когда надо, никогда нет рядом!

Крупный розовощекий детина тряс за плечи маленького семилетнего мальчишку.

– Вот ты и попался! Где ты шляешься? Кто работать будет? Когда твоя вечно голодная мать давала тебя мне во служение, как она заливалась соловьем, что ты и работающий, и шустрый, и даже грамоте обучен! А когда надо, тебя вечно нет на месте! – изгалялся детина, тряся щупленького мальчугана.

– Ну, дядя Прохор, я больше не буду! Я же на секундочку, я же одним глазком посмотреть – там наши войска вернулись из града Казанского! Такие все красивые, статные, я только на секундочку взглянул! – оправдывался мальчишка, извиваясь, пытаясь спастись от огромных ручищ мужика.

– А кто работать будет, я тебя спрашиваю? Кто мне тут, на стройке, помогать будет? Или ты думаешь, я сам должен песок таскать! Ух, я тебя!

– Ну, дядя Прохор!

Но гроза уже миновала, Ваня знал, что дядя Прохор хотя и сердит на вид, но вполне отходчив, и если не открутил уши сразу, то теперь можно его и заболтать, и ничего страшного уже не будет.

– Что там, воины вернулись из града Казанского? – почесав окладистую бороду, спросил Прохор.

– Ой, вернулись, сейчас от Варваринских ворот ехали! Красивые все! Ой, какие! Я бы тоже в служивые пошел! – с воодушевлением начал рассказывать Ваня.

– Куда ты пошел бы, сорванец?! Да я тебе сейчас точно уши откручу, а кто работать будет, если ты служить собрался? А ну иди сюда, сюда!

Но мальчишка понуро повесил голову и принялся набирать в огромный эбан песок.

– Ладно, Вань. Ты мне лучше скажи, что, действительно Казань взяли или народ брешет все? – спросил Прохор.

– Вот те крест, взяли. Точно взяли. Я сам лично в толпе слышал, как обсуждали осаду града Казанского. Теперь точно – Казань наша. Баяют, что царь-батюшка Иван Васильевич, многие лета царю, присоединил Казанское княжество к Московскому.

– Многие лета царю. А татары местные чаво?

– А чаво? Кто перебит, кто в полон взят, а кто теперь и в истинно христианскую веру перейдет, – откинул светлый чуб со лба грязной ладошкой мальчишка.

– Да уж. Вот чудо чудное! По такому поводу и в кабак можно сходить чарочку-другую пропустить, – Прохор мечтательно улыбнулся в бороду, уже представляя, как терпкая и крепкая медовуха, которую гнал в соседнем кабаке старый прохиндей Пантелеич, уже плещется в его огромной кружке, а потом и в бездонном брюхе.

Но работы меньше не становится, до кабака еще нужно было доделать фундамент церкви, которую по приказу самого царя-батюшки нужно было воздвигнуть на этом самом месте.

А место-то проклятое, несмотря на близость к Кремлю, на рву происходят дурные дела. И шалют разбойники по ночам, скидывают в ров неугодных и зазевавшихся путников, а недавно рассказывали, что и чертовщина здесь появилась. Надо рвом стелется по утренней

зорьке туман странный, а оттуда слышны крики и сатанинский хохот. Потому церковь здесь явно не помешает, может, дьявольские козни успокоит и лихих людей отпугнет?

– Надо свечки Киприану поставить, в день его памяти Казанский град взяли-таки! О-хо-хо, – жалобно застонал старый Никодим.

Он уже разменял пятый десяток, болячки всякие, хвори лихие преследовали рабочего, но лучшие его никто не мог церкви строить. За его спиной был колоссальный опыт в Новгороде, откуда он и был родом.

На Троицком надворье, как еще многие теперь говорят, на красивой, Красной, площади, были уже поставлены многие деревянные церкви. Ставились они быстро, споро, в память о победах над лихими татарами.

Со всех концов Москвы и из ближайших деревень пригнали народ на стройку, на работу для царя. Виданное ли дело, почти семь десятков мастеров, рабочих, зодчих трудились на Алевизове рву.

А ров тот глубокий и опасен – почти тридцать локтей глубины и восемьдесят пять – ширины. В такой свалиться – костей не собрать.

– Дядя Никодим, а правда говорят, что тут сам Василий похоронен? – Голубые глаза мальчонки вопросительно уставились на мастера Никодима.

– Васька-юродивый, что ли? – уточнил старый мастер, наморщив лоб.

– Да, он самый, – любопытство так и распирало мальчонку.

– Да, вот здесь, неподалеку, на старом Троицком погосте похоронен. Недавно преставился, этим летом. Ох и святой был человек!

– Да, в городе про него многое болтают. Например, что нельзя на месте его могилы храм строить, – мальчишка невольно понизил голос.

– Вот ты глуп, Ванька. Кто ж на месте могилы строит? Могила – отдельно, а храм – отдельно. Ишь, чего надумал! На погосте святое место строить, – разозлился Никодим.

– Да гони его в шею с вопросами. Работать надо, а не языками чесать, – проворчал Прохор.

Но Ванютку было не остановить, любознательный и пылкий нрав требовал ответов на многие вопросы, появляющиеся в белокурой голове.

– А правда, что Василий чудеса всякие делать мог?

– Вот правда самая настоящая, вот те крест. Сказывают, что именно Василий в Крестовоздвиженском монастыре, что на острове, долго плакал перед иконами. Сначала понять не могли, почему он плачет, а на следующий день в Москве начался сильный пожар. Полгорода выгорело, и Китай-град, и Занеглименье.

– А при чем тут Василий? – удивился Ваня.

– Да как причем? Пожар именно с Крестовоздвиженского монастыря и начался. Он его предвидел, вот как! – Никодим развел руками.

– Да ладно? – удивился Прохор, и от удивления даже рот раскрыл.

– А что еще Василий делал? – не унимался мальчик.

– Он на каждой зорьке обходил весь град Московский и в одни дома кидал камни, а углы других целовал, – объяснял Никодим.

– Ну, это понятно. Наверное, камни кидал там, где плохие люди живут, грешники, а для праведников – его поцелуй? – рассудительно заявил Ваня.

– А вот и нет, – ухмыльнулся Никодим. – Как раз наоборот, камни он кидал в дома праведников, он таким образом бесов отгонял камнями от праведных и честных людей.

– А целовал тогда кого? – это вмешался в разговор Прохор.

– А целовал он углы домов, где безбожники жили, где хулу или, не дай Бог, крамолу на царя и государство готовили, где прелюбодействием и другими, тьфу-тьфу, лихими делами

занимались. Целованием Василий ангелов в эти дома приглашал, потому что ангелы там нужны, чтобы спасти хозяев дома. Вот как!

– Ух ты! – задорно присвистнул мальчик.

– А еще сказывают, что Василий ходил нагим всегда, даже в самые лютые морозы, и никогда не болел, потому что молился постоянно за наши души и за град наш Москов. И нам молиться заставлял, дела праведные совершать. – Никодим почесал лысую голову.

– А что, он совсем голым ходил? Совсем-совсем? Везде-везде? – от этого вопроса мальчик смутился, но очень ему хотелось прояснить этот пикантный вопрос.

– Совсем-совсем, везде-везде, – с улыбкой ответил Никодим.

А ближайšie рабочие разразились громким залиvistым хохотом, посмотрев на пуницовые от смущения уши Ванютки...

Москва. Центр. Наши дни

– Так вот, Елена Андреевна, вы утверждаете, что никогда раньше не видели и не знаете этого мужчину? – усталым голосом произнес прибывший сотрудник Следственного комитета. Создавалось впечатление, что устал он уже от всего, а в первую очередь от своей работы, от бестолковых свидетелей, от прониравших адвокатов и ворчливых судей.

Глаза красные, опухшие, под ними синяки, вид бледный и нездоровый – и откуда взялось все это у молодого симпатичного парня?

«Что, так много работы? Или чем он там ночами занимается?» – Все эти мысли вились роєм в голове у экскурсовода Лены Сеницкой.

Но вслух она, конечно, сказала другое:

– Я вам уже сообщила, что до моей экскурсии я этого мужчину никогда не видела и не знаю, кто он такой.

– Как он записался к вам в группу? – Красные опухшие глаза разглядывали девушку будто бы под микроскопом.

Причем он разглядывал ее не как интересную и симпатичную представительницу противоположного пола, а как какое-то жалкое и мерзкое насекомое, мешающееся под ногами.

Лена обиженно поджала губы.

Что за день такой? Сначала в ее группу затесался странный субъект, который погиб при невыясненных обстоятельствах прямо возле захоронения святого Василия Блаженного, теперь она вынуждена общаться с еще одним субъектом, представившимся следователем Яшиным Владимиром Ивановичем, который изначально все и всех ненавидит, а в первую очередь Елену Андреевну Сеницкую.

«Может, у него живот болит или несварение? Язва?» – принялась придумывать диагнозы нездоровому следователю Лена.

– Записался ко мне так же, как и все остальные, купил билет в кассе, и все! – пришлось все-таки ответить на вопрос.

– Что он делал и как себя вел на экскурсии? Заметили ли вы что-нибудь странное в его поведении?

– Как себя вел? – Елена задумалась. – Вел себя странно, меня не слушал, постоянно отвлекался. В телефоне копался.

– В телефоне? – хмыкнул следователь. – Хорошо, проверим его телефон. Что еще он делал?

– Меня почти не слушал, я повторяю вам. Я все время удивлялась, что ему тут понадобилось. Такие, как он, по музеям и экскурсиям не ходят, – ответила девушка и поправила яркий шейный платок.

– Какие – такие? – задал провокационный вопрос Яшин.

– Вы его видели уже? На любителя старины, обычного туриста и знатока столичных достопримечательностей этот субъект не тянет.

– Субъект? Ну-ну. Да, я видел уже вашего субъекта. Он с кем-нибудь разговаривал на экскурсии? – Взгляд холодных серых глаз следователя просто пригвоздил Лену к стулу.

– Да нет. Я не видела, с кем он разговаривал. Он всего один раз вопрос задал во время экскурсии. – Сеницкая принялась разглядывать свой свежий маникюр.

– Какой вопрос он задал? – Глаза у следователя засверкали.

– Он спросил, правда ли, что здесь, то есть в храме, похоронен святой Василий?

– И что вы ответили?

– Я ответила, что да. Именно здесь, точнее, именно там, на том самом месте, находятся мощи святого Василия Блаженного, – ответила гид.

– Значит, он специально искал именно это место, то самое место, где и умер. Возле захоронения Василия, – задумчиво произнес следователь Яшин.

– А мне можно узнать? Можно тоже задать один вопросик? А от чего тот мужчина умер? У него было такое лицо, и этот крик... Страшный, нечеловеческий вой просто, такой звериный. Мы все испугались. У него было такое жуткое лицо, как будто как минимум он увидел Сатану и всю его свиту чертей, и те его конкретно напугали. – Синицкая даже немного смутилась от своего предположения.

– Причина смерти устанавливается. Пока ничего сказать не могу, – официально ответил Яшин, но, увидев обиженное лицо Лены Синицкой, добавил: – Открытых ран у него не обнаружено, ни пулевых отверстий, ни крови, ни следов борьбы или удушения, ничего такого.

– Может, отравление? Его могли отравить? Здесь, у нас, в храме, в музее? – Лена очень любила читать детективы в свободное от работы над диссертацией время.

Яшин кивнул.

– Я тоже так подумал. А вы молодец, – и уже с интересом взглянул на Лену.

Та приосанилась и даже постаралась улыбнуться в ответ на такой странный комплимент. Но что поделаешь, следователи, видать, все такие.

– Отравление вполне возможно. Тело сейчас у медэкспертов находится. – Немного помолчав, Владимир добавил: – Только вот откуда здесь взялся яд? Не думаю, что он специально пришел на экскурсию, специально подошел к могиле Василия Блаженного и специально именно здесь принял яд, который тоже специально с собой постоянно носил. – Яшин уже широко заулыбался.

«Специфический у него какой-то юмор, чернее некуда», – подумала Лена, хотя не могла не отметить, какой открытый и дружелюбный взгляд у следователя, и, если бы не эти красные воспаленные глаза, то его можно было бы назвать вполне симпатичным, интересным парнем.

«Милашка-следователь с красными опухшими глазами, как у обезумевшего кролика, – Лена про себя хмыкнула. – Еще чего не хватало, строить глазки представителю власти».

Синицкая еще до конца не отошла от тяжелого развода с вечно недовольным эгоистом и нытиком Толиком, который потрепал ей так много нервов, что Лена заверила саму себя, что в ближайшее время ни на какие отношения не подпишется.

Пока с нее хватит!

– А удалось выяснить, кто он такой, как звали этого мужчину? – снова задала вопрос Лена.

– Ой, да у нас тут, оказывается, допрос! – Яшин уже в открытую насмеялся над попытками Лены узнать правду.

Но потом он напустил на себя излишнюю серьезность:

– Вы что-нибудь знаете про тайну следствия? Вот поэтому я вам и не скажу, что личность пострадавшего пока выясняется. Документов у него при себе не было. Но вот что странно, скажите, Елена Андреевна, почему смерть неизвестного произошла в храме Василия Блаженного? Почему снова Василий Блаженный? – про себя чуть тише добавил следователь.

– Почему Василий Блаженный, вам нужно спрашивать у убийцы, а почему снова, я вас не поняла, – Синицкая покачала головой.

– Почему снова?! Да так. Я не очень-то верю в совпадения, но вот буквально пару дней назад в одной небольшой церквушке в Подмосковье произошла кража икон и церковной утвари, при этом была сильно испорчена старинная икона Василия Блаженного. Был сломан оклад, доска с иконой проломлена. А вот вчера был убит Иван Васильевич Плотников, доктор исторических наук, специалист по времени правления Ивана Грозного, он как раз-таки работал над монографией, посвященной – угадайте кому? Бинго, – Василию Блаженному! Поэтому я и хотел вас спросить, почему снова Василий Блаженный? – Яшин забарабанил пальцами по столешнице.

– Иван Васильевич Плотников убит? – От изумления у Елены даже открылся рот.

– Вы его знали? Тоже знали?

– Как это случилось? Когда? – Елена чуть ли не подпрыгнула со стула.

– Откуда вы знали Плотникова? – Следователь Яшин напрягся.

– Он мой научный руководитель, точнее, теперь уже был моим научным руководителем, я под его руководством работала над диссертацией. Он такой хороший и уникальный человек был, я не могу поверить. – Лена еле держалась, чтобы не расплакаться перед этим бездушным роботом в погонах. – Ивана Васильевича я знала с первого курса исторического факультета. Больше такого преподавателя не найти. Чуткий, умный, понимающий. Все мечтали с ним работать – необыкновенной души человек. – Синицкая комкала в руках носовой платок, сиюсь не разрыдаться во весь голос.

Яшин молчал, думая о чем-то своем.

– Снова Василий Блаженный, – тихо промолвил он наконец.

– Его, Плотникова, тоже отравили? – Лена боялась задать этот вопрос.

– Нет, в том-то и дело. Его зарезали в собственной квартире, в кабинете. Зарезали ножом для бумаг. Я все удивлялся, кто такими предметами еще пользуется. Нож для бумаг! В современных квартирах такие вещи не встретишь, – пояснил Владимир.

– Иван Васильевич был педантом до мозга костей. Он всегда вскрывал письма и телеграммы только специальным ножом для бумаг – это был подарок от какого-то выпускника. Я хорошо помню этот ножик. Сиреневый такой, с длинным лезвием.

– Хорошо, что помните, нож пропал. Если бы я вчера не дежурил и не выезжал на вызов, то, возможно, не обратил бы внимания, что зарезали Плотникова практически на письменном столе, где была уйма книг и работ, посвященных как раз Василию Блаженному. А теперь еще одна смерть на могиле этого же святого. А ранее была испорчена его икона. – Владимир перестал барабанить и обратил свой взгляд в окно, где толстый и наглый воробей шустро сновал по подоконнику.

– Иван Васильевич в последние месяцы писал монографию о Василии Блаженном. Говорил, что у него появился какой-то новый, не исследованный материал о нем. Мечтал сделать историческое открытие. Ой, а с моей научной работой-то теперь что будет? – всполошилась Синицкая.

– Это вам нужно будет на кафедре вашей уточнить, – развел руками Яшин.

– Иван Плотников действительно был хорошим человеком. У него не было врагов, его все любили.

– Видать, не все, раз кто-то убил. А конфликтов с преподавателями или студентами у него не возникало? – спросил следователь.

– Нет, его на самом деле все любили. Студенты выстраивались к нему в очередь, чтобы писать дипломные. Почти стопроцентная посещаемость на лекциях, даже больные и вечные прогульщики приходили, чтобы послушать Ивана Васильевича, он так интересно занятия проводил. – Лена все-таки не выдержала, предательская слеза выкатилась из глаза и сползла по щеке. Синицкая попыталась спрятать ее от пронизательного взгляда утомленного следователя и принялась искать в сумочке зеркальце, чтобы украдкой взглянуть на собственное отражение, не красный ли нос, не заплаканные ли глаза.

– Вот, возьмите, – Яшин протянул ей салфетку. – Извините, не хотел вам приносить дурные вести, – покаянно произнес он.

– Найдите, пожалуйста, того, кто это сделал. Кто убил Плотникова! Пожалуйста. – Лена выразительно посмотрела на Яшина.

– Я постараюсь, – серьезно ответил тот. – А теперь, если не возражаете, я пообщаюсь с другими членами вашей экскурсионной группы. Вот вам моя визитка, если вспомните что-то важное про доктора Плотникова или про художника незнакомца, позвоните мне.

Напоследок он улыбнулся Лене, как старой знакомой. Хотя девушка надеялась, что не очень-то и старой.

* * *

Сумерки опустились на весеннюю Москву – город дерзких желаний и людских разочарований, город пороков и добродетелей, город, где каждый может найти себе место под солнцем. А может и не найти.

Обо всем этом думала Лена Синицкая, привычным маршрутом направляясь в собор Пресвятой Богородицы, что на Рву.

День сегодня был сложный, взбалмошный и полный печальных новостей.

Она все никак не могла свыкнуться с мыслью, что Ивана Васильевича больше нет. Что великий педагог и выдающийся ученый погиб от ножичка для резки бумаги. Того самого ножичка, который очень часто студенты видели в руках у Плотникова. Он постоянно носил его в верхнем кармане серого в полосочку пиджака. Нет, не ради самообороны, он им вскрывал всю свою корреспонденцию.

Доктор исторических наук был педантом и аккуратистом, у каждого предмета в его карманах было свое предназначение. Плотников почти не пользовался электронной почтой, отдавая предпочтение обычным почтовым конвертам, самым простым письмам, которые он получал пачками каждый день практически со всех концов земли.

Ему писали и бывшие студенты, его выпускники, и коллеги-профессора, ученые из Австралии и Индии, и со всеми Иван Васильевич поддерживал переписку. Он умел дружить, любил жизнь, обожал своего кота Малюту, подаренного ему деканом факультета, а теперь его в одночасье не стало.

Лена тяжело вздохнула.

Это была поистине невосполнимая утрата как для всей исторической науки – ведь сколько открытий не успел сделать доктор Плотников! – так и для всех его друзей и близких. Своих детей у Ивана Васильевича не было, как-то не сложилось, но ко всем без исключения студентам он относился как к собственным любимым чадам. И даже бессовестные прогульщики и двоечники всегда питали к Ивану Васильевичу уважение.

Лена уже позвонила сегодня на кафедру, но со всей этой свистопляской не смогла никого застать на месте. Надо завтра туда съездить, узнать насчет похорон и прощания с научным руководителем и разобраться, что ей делать со своей диссертацией.

А делать еще предстояло много, работа была сложная и кропотливая, Плотников помогал и направлял любимую аспирантку. Хотя у него все были любимые, а кто сейчас ей достанется, Синицкая даже не представляла.

В храм она спешила, чтобы поработать. У нее была договоренность с директором музея, что она проводит экскурсии днем, а ночью ей разрешается писать диссертацию в самом музее, проводить анализ находящихся там древностей, которые, конечно же, выносить за пределы нельзя. И дело тут не только в баснословной стоимости артефактов, но и в их исторической ценности – это же реликвии для следующих поколений.

Последние посетители давно ушли, симпатичный следователь, попытав возможных свидетелей в кабинете директора, тоже удалился. У входа и на первом этаже дежурили двое охранников. Так что Лена была здесь практически наедине с ноутбуком и кипой исторических документов XVI века.

Синицкая пыталась сосредоточиться на работе, ведь все равно кто-то будет ее новым научным руководителем, и новые главы сами себя не напишут. Но из головы все не выходил образ мудрого Плотникова, да и красные воспаленные глаза Яшина, чего уж тут скрывать, тоже прочно засели в Лениной памяти.

Девушка и сама не заметила, как заснула прямо на раскрытом ноутбуке.

Сон был тревожный и суматошный.

Сиреневые ножички для бумаги окружали плотным кольцом храм Василия Блаженного. Кольцо сужалось вокруг храма, сужалось. Ножей становилось все больше и больше, вот они уже влезают в окна, двери, танцуют прямо на могиле Василия, из которой почему-то встает доктор Плотников и говорит Лене:

– А теперь проснись, пора, Синицкая!

От этих слов Лена и впрямь проснулась, потеряла затвердевшую от неудобного положения щеку, и тут услышала тихий аккуратный скрип, доносящийся откуда-то из дальней галереи.

Что это может быть?

Шум ей явно не померещился, она слышала его довольно отчетливо и, скорее всего, из-за него девушка и проснулась.

Может, это охранник дядя Петя ходит и проверяет подведомственную ему территорию?

Вставать и выходить из кабинета очень не хотелось, но по своей сути Лена была настоящей авантюристкой, тем более что этот скрип, как она для себя определила, раздавался откуда-то со стороны церкви Василия Блаженного. А это она проверить должна была обязательно!

Синицкая сняла свои туфли на небольшом каблуке и в одних колготках, на цыпочках принялась спускаться по лестнице.

В первом зале она в темноте чуть не споткнулась о чьи-то ноги в тяжелых армейских ботинках, ей пришлось с силой зажать себе рот, чтобы не закричать от ужаса.

Это был охранник Виктор Седов, он лежал без сознания и не подавал признаков жизни.

Значит, злоумышленник или вор где-то здесь, ей нельзя выдать себя криком и шумом, а то не поздоровится уже ей.

Она нагнулась и пощупала пульс у Седова. Пульс был, так что мужчина скоро придет в себя.

Лена от облегчения выдохнула: «Уф, спасибо, что живой».

На цыпочках она кралась вдоль стенки, не зная, что делать. Звонить в полицию? Так бы поступил любой здравомыслящий человек, но Лена была не любая. Ей очень хотелось узнать, что же злоумышленник делает в церкви Святого Василия?

Здесь скрывалась тайна, а Лена с самого своего детства обожала тайны и головоломки.

В полутемном приделе горели по стенам лампадки, чувствовался нежный запах ладана и восковых свечей. Иконы по стенам, казалось бы, с сочувствием и укоризной взирали на Лену. Ей даже чудилось, что многие лики святых не одобряют ее ночные гулянья по церкви, а другие иконы вообще недовольны, что их разбудили.

Несмотря на полумрак, Синицкая отчетливо ощущала, что кроме нее в приделе явно есть кто-то чужой, причем этот кто-то находится здесь явно не с хорошими намерениями.

Своей интуиции девушка привыкла доверять, но она не знала, даже самой себе не могла объяснить, зачем же она идет к злоумышленнику совершенно одна, без оружия, без поддержки.

Любой нормальный человек в такой ситуации хотя бы вызвал внутреннюю охрану здания, или на худой конец нашел бы второго охранника, дядю Петю.

«А вдруг и его тоже... – с ужасом подумала Лена. – Нет. Не может быть». – Она со злостью отогнала от себя неприятные мысли.

Между тем девушка потихонечку подкралась к захоронению святого Василия Блаженного.

У подножия могилы, подсвечивая себе небольшим карманным фонариком, копошился человек во всем темном.

Лена видела его со спины и не могла разобрать, что же он там делает.

«Ну вот, ты убедилась, что здесь явно кто-то есть! – сказала сама себе Лена. – А теперь беги вниз за дядей Петей».

Этот голос разума иногда сам по себе появлялся в ее голове, причем он всегда говорил правильные вещи и подсказывал ей, как поступить в трудных ситуациях.

Но дело было в том, что Синицкая его не часто слушала.

Но сейчас голос здравомыслия просто вопил в унисон с инстинктом самосохранения.

Лена принялась пятиться назад, уже сделала два шажочка, как вдруг, надо же было такому случиться, у нее запел будильник на мобильном телефоне.

Причем запел во всю громкость любимый саундтрек «The Road is Far» из опять же любимого Лениного сериала «Сверхъестественное».

Но сейчас главная музыкальная тема из мистических приключений братьев Винчестеров оказалась очень даже некстати.

Незнакомец в черном подпрыгнул от неожиданности, выпрямился и уставился на Синицкую. Его глаза сверкали в прорезях черной плотной маски, какие носят омовцы.

Лена вжалась в стенку, припала спиной к иконе Пресвятой Богородицы и принялась судорожно вспоминать слова молитвы, потому что злоумышленник тяжелой походкой неспешно, но неотвратно и уверенно шел к ней...

1555 год. Москва. Кремль Царские покои

«Ох, знала бы покойница-матушка Авдотья, как в жизни повезет ее сыну Ивану. Кто бы мог подумать, что ему удастся воочию увидеть убранство самих царских палат, такую роскошь и богатство», – об этом думал мальчик Ваня, с любопытством разглядывая стены широкой комнаты.

Большие окна, закрытые белоснежными парчовыми полотнами с вышитыми на них диковинными птицами, зверями, рыбами, красивая изразцовая печь в углу, еще горячая, дающая долгожданное тепло в слякотную московскую погоду, а в красном углу множество икон с горящими лампадами. Но больше всего мальчика поразило богато накрытый стол с угощениями, стоявший по центру горницы.

Его, десятилетнего подмастерья, взял в услужение сам знаменитый на весь град Москов зодчий Постник, сын Якова. Его еще частенько называли Барма из-за непонятного произношения. Он почти постоянно негромко бормотал себе под нос, так что иногда и разобрать было невозможно, что он говорит.

«Барма» настоящий – бормочет на своем псковском наречии. Потому так и стали кликать его все московские люди. А Постник – так как все посты держит и заставляет держать (и великие, и не очень) всех своих работников, всю свою челядь, а это ни много ни мало около сотни мужиков.

Что отнюдь не радовало Ваньку. Кушать ему хотелось всегда, а христианские посты следовали один за другим, не оставляя времени на то, чтобы подкрепиться молодому организму.

Потому с таким воодушевлением, чуть ли не облизываясь, Ваня смотрел на накрытый в горнице стол.

Пока Постник будет представлять идею нового храма самому Ивану Васильевичу, многие лета царю, все приглашенные помощники зодчего могут отдохнуть и подкрепиться в царских палатах.

По такому случаю Ваня впервые надел новую белую рубаху, которая ему необыкновенно шла. Он уже поймал несколько приветливых взглядов прислуживающих им девишек, подававших еду и напитки.

Ах, какие яства-кушанья были на столе! Многие из них Ваня и представить не мог, даже не знал, как они называются. Но пахли они одуряюще вкусно.

«Видела бы меня сейчас матушка Авдотья, или даже дядя Прохор», – снова подумал про себя Иван.

Дядя Прохор преставился в прошлом году, не вынеся суровую зиму. Шел из кабака мертвецки пьяный, упал и заснул в сугробе. А зима выпала лютая, студеная. Так и не проснулся дядька. Туго пришлось тогда Ване, хорошо, что работать на стройке был приучен, там его и заметил Постник, сын Якова из псковских мастеров.

Хороший, добрый зодчий! Понравился ему Ваня, взял себе в услужение, принести, унести, помочь – да много всего умел делать юркий мальчишка.

Теперь вот и к царю в Кремль взяли. Впервые мальчик попал в такие палаты, от удивления долго рот не мог закрыть. Каких только чудес здесь не было! До самой смерти он будет гордиться такой милостью, оказанной ему.

Другие, взрослые дядьки-мастера, только насмеялись над малым, подтрунивали над ним.

Если бы не вечный полуголодный пост, который, по подсчетам Вани, практически не прекращался, то не жизнь была бы у мальчика, а просто сказка. Вот только Рождественский пост закончится, а вот и Великий пост на подходе, потом Петров, Успение, а это, не считая каждой среды и пятницы, Крещенского сочельника, Дня Усекновения главы Иоанна Предтечи, Воздвижения Креста Господня и прочего-прочего-прочего. По пальцам можно было пересчитать дни, когда выпадала возможность нормально поесть.

Вот и сейчас малец смотрел на пышущего жаром ароматного жареного поросенка, и рот наполнялся слюной.

Интересно, можно ли его сейчас съесть, в пост-то? А начальник его, Постник Барма, потом не осерчает на мальчишку? А то вдруг выгонит за дерзость подобную, и придется на улице жить?

Такие мысли проносились в голове у Ивана. Он робко взял с блюда ярко-красное яблоко и сочно впился в него зубами, продолжая рассматривать споро жующих соседей по столу. Яблоко-то сегодня точно можно было!

Другие мастера, ничуть не стесняясь, ели и жареных гусей, и ароматного поросенка, и чудорыбу с ярко-золотой чешуей, и даже рыбы яйца, зовущиеся странным словом «икора».

Мальчик вздохнул, и, пока никто не видит, откусил огромный кусок мясного пирога со стоящего рядом блюда с выпечкой.

От удивления он даже зажмурился.

Боже Иисусе, как же вкусно!

За столом разговор шел, конечно же, вокруг строительства нового храма.

На месте разрозненных деревянных церквушек, разбросанных по всему Троицкому надворью, решено было выстроить один большой храм, причем, что удивительно, храм сделать каменный. На смену старой деревянной Москве шла новая, каменная, которой не были страшны постоянные пожары.

Пригласили на строительство более трехсот мастеров и зодчих из самого Новгорода и даже Пскова, Ладоги и окрестных деревень.

Один из главных помощников Бармы – государев мастер Иван Шишаев – вполголоса обратился к соседу по столу Михею, Петра сыну:

– Слышь, Михей, что-то долго они заседают! А вдруг батюшке Иоанну Васильичу не понравится Постника задумка!

– Страшен Иоанн во гневе, – еще тише добавил Михей. – Не сносить нам всем головы, – покосился он глазами на соседние палаты, куда некоторое время назад удалились на встречу с царем Барма и два его главных товарища – Иоанн Хромой и Василий Новгородский.

– Да вы что! Мужики! Даже думать не смейте о худом! – обратился к ним старший Никодим. Тот, несмотря на преклонный возраст, еще был прозорлив в строительстве и обладал несомненным авторитетом среди мастеровых. – Постник, сын Якова, такое чудо чудное придумал, а не храм. Большие нигде такого не будет, не только в граде Московском, но и во всех заморских краях. Мне сам Постник сказывал, что батюшке-царю обязательно понравится!

– Так уж тебе и сказывал?! Сам Постник? Брешишь ты все, Никодим! – грубо ответил Михей. – Будет он с тобой своими планами делиться?

– А вот и не брешу. Ладно, не сам Постник сказывал, а Ванька Хромой говорил! Про чудо чудное! – с обидой ответил старший рабочий.

– Ванька Хромой языком мелет, что хочет! Веры ему нет никакой! – зло отбрил Михей.

– А я ему тогда и скажу, как ты о нем отзываешься! – продолжал гневаться Никодим.

Он насунился и со злобой смотрел на обидчика. Того и гляди, драка начнется!

– Все, хватит собачиться! Не на стройке ведь, а в княжеском тереме. Побойтесь Бога! Побойтесь царя! – остановил перепалку Шишаев. – А понравится – не понравится задумка Постника, мы скоро все узнаем!

Ванюшка зазмурился, ярко представив, что будет, если задумка нового каменного храма не понравится батюшке-царю, долгие лета Иоанну Васильевичу!

Ох уж и суров был царь в гневе! Тут были правы старшие подмастерья! Но и отходчив бывал Васильевич, здесь все зависело от настроения верховного правителя!

Но пока ничего не показывало на царскую опалу. Яства на столе и питье хмельное не заканчивались, красные девицы сновали с кувшинами и чарками с квасом и вином от гостя к гостю.

«Стали бы нас так кормить, если бы что не устраивало?» – подумал Ваня и откусил от крылышка румяного поджаренного гуся.

Улыбнувшись красавице в малиновом сарафане, которая едва ли была старше Вани, мальчик придвинулся к дяде Никодиму и спросил:

– Дядька Никодим, а точно мы чудо дивное построим? Точно тебе об этом сам Хромой говорил?

Старик почесал тощую козлиную бородку и ответил мальчонке:

– Вот те крест, говорил он. А они не верят, природы, – со злостью, но негромко выругался старик. – Думают, совсем я из ума выжил. Вот увидите все скоро, – потряс он сухоньким кулачком. – Да, и еще... – он почти прижался губами к уху мальчика и прошептал: – Еще Василий святой, Нагой, пророчествовал, что на этом самом месте чудо-храм будет, какого еще мир не видывал!

– Да ладно?! – удивился мальчик.

– Вот те крест, чистая правда! – Никодим удовлетворенно улыбнулся.

В этот момент по рядам гостей пошел шепот, а потом все как один подскочили с вышитых лавок и снимали шапки, наклонив головы.

Ваня в первый момент и не уразумел, что же произошло, пока его буквально не вытолкнул со скамьи старей Никодим.

Мальчик вцепился в ворот нарядной рубашки, внезапно стало душно, трудно дышать.

В горницу величаво вошел молодой боярин, почти отрок. Боярин был невысок, даже мал ростом, но широк в плечах, несмотря на довольно юный возраст. Одет в расшитый шитьем кафтан, на котором сверкали разноцветные камни. На голове у него была красная шапка, отороченная мягким мехом пушистой чернубурки.

Мастеровые стояли молча, понуриив головы. Боярин с улыбкой рассматривал их, презрительно шураясь на небогатые наряды рабочих.

Ваня боялся поднять глаза, только украдкой рассматривал богато украшенные сафьяновые сапожки знатного вельможи.

– Что, государевы люди? Понравилось вам царское угощение? – с ухмылкой, медленно растягивая губы, поинтересовался пришедший.

Мастера, не поднимая глаз, все согласно покивали.

– А знаете ли вы, какая честь вам предложена? – громко спросил молодой боярин.

Все вновь закивали.

– Что молчите? Или вам языки развязать надо? – принялся гневаться вельможа. – А то я могу! Ишь, какие гордые, молчат все! Я вас всех сейчас...

Ваня от страха втянул голову в плечи, боясь даже оторвать взгляд от красных сапожек.

Тут в горницу вошел другой сановник, постарше, одетый ничуть не хуже первого.

– Что ты тут, Малюта, мастеровых стращаешь?! – грозно поинтересовался вновь пришедший.

«Малюта! Наверное, таково прозвище из-за маленького роста», – пронеслось в голове у мальчика.

Откуда Ване было знать, что через десять лет из этого капризного юноши вырастет самый грозный опричник, гроза почти всего московского люда?

Сколько же народа будет замучено и убито в знаменитых Малютиных подвалах, пыточных застенках, где из людей всеми правдами и неправдами будут выбивать страшные признания, доносы на близких. Так будут искоренять крамолу в государстве. Но батюшка-царь Иоанн Васильевич, многие лета царю, поверит и доверится суровому опричнику и его воинам, потому на методы искоренения крамолы будет взирать вполне милостиво. Главное, чтобы порядок был в государстве.

А пока, в 1555 году, Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский делал свои первые робкие шаги в палатах царского Кремля. Выходец из шляхетской среды, невысокого роста, а прощще – мальчиш, Малюта пытался всеми правдами и неправдами закрепиться в Московском государстве.

– Малюта, а ну брысь отседа, чтоб я тебя не видел! Пугать он народ вздумал, мальчишка! – кричал на него боярин с небольшой бородкой и умным взглядом голубых внимательных глаз.

Малюта в мгновение ока покраснел до самых ушей и проворчал проклятия.

Подмастерье Ваня не мог сдержать лукавую улыбку, он поднял глаза и сразу напоролся на злой взгляд Скуратова.

Тот не мог скрыть своего гнева и злости. Он капризно надул губы и прошипел:

– Я вам всем еще покажу. И вам, строители, – он со злостью рассматривал и будто запоминал своего ровесника Ваню, – и тебе, дядюшка Ондрей!

– Гришка, а ну кьши, я повторять не буду! – снова шикнул на парня боярин. – А то как шелудивого пса я тебя выдеру!

Малюта, задрав нос, удалился из горницы.

– Присаживайтесь, мастера, угощайтесь, не серчайте на пацана. Норовом очень свиреп, но силенок еще не хватает, – обратился к зодчим боярин. – Звать меня Андрей из рода Курбских князей. Ответ от батюшки-царя вам принес, что после трапезы можете возвращаться к работе над храмом. Постник, сын Якова, со товарищи позже к вам присоединится. Проект его больно хорош. Батюшке-царю все приглянулось. Царь Иоанн Васильевич подробно все еще хочет рассмотреть, уразуметь. Постника не ждите, возвращайтесь. А вам перед трудным делом всем царь-батюшка деньгу жалует, каждому, за усердие, – произнеся последние слова, князь ухмыльнулся в пышные усы.

Эту новость мастеровые встретили радостными криками. Пир продолжался, вино текло рекой, а Ваня все не мог оторвать взгляд от блестящей монеты – деньги, дарованной самим батюшкой-царем, многие лета.

Даже встреча с противным мальчишкой Малютой больше не огорчала Ваню, хотя он никак не мог забыть взгляд парня, полный ненависти именно к нему, Ивану Мастеровому.

Главное, каменному храму быть на красной Троицкой площади, храму, посвященному заступнице-матушке Богородице!

Москва. Храм Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, более известный как храм Василия Блаженного Наши дни

– Елена Андреевна, а вы всегда будильник на полпервого ночи ставите? – усталым голосом поинтересовался следователь Яшин, заполняя новый протокол.

Лену Синицкую просто трясло от пережитого стресса, даже две выпитые таблетки валерьянки не помогали успокоиться.

С ней так всегда бывало. В моменты каких-то сильных переживаний или сложных жизненных обстоятельств Синицкая была собрана и спокойна, а вот когда все оставалось позади, девушку в прямом смысле слова начинало трясти. Вот и сейчас трясло, стоило вспомнить, что только чудо спасло ее от смерти прямо здесь, на любимой работе в музее, в храме Василия Блаженного.

Ее бешено орущий будильник услышал не только злоумышленник, но и второй охранник, дядя Петя, проводивший осмотр первого этажа; он не смог связаться по радиации с охранником Седовым и поспешил на звук Ленинского мобильного.

А незнакомец в черном уже вытащил из-за пояса складной нож с зазубренным лезвием и приближался к Лене явно не с дружескими намерениями. Девушка стояла, зажмурившись, практически вжавшись в фреску семнадцатого века, судорожно вспоминая все известные ей молитвы. Ноги ее стали ватными, она понимала, что сил бежать у нее нет.

То ли молитвы ее были услышаны, как-никак церковь же, то ли воззвания к святому Василию Блаженному дошли до адресата, но появившийся в дверном проеме охранник Петр Петрович показался Синицкой ее ангелом-хранителем.

– А ну, стоять, не двигаться! Буду стрелять! – Петрович начал аккуратно снимать оружие с предохранителя, вспоминая служебные инструкции.

Но раньше ничего подобного в храме не происходило, и Петр Петрович считал свою работу спокойным и тихим местом, где можно отдохнуть и телом (смотря маленький телевизор в холле) и душой, наслаждаясь искусством и видом древних икон.

Злоумышленник стоять и не подумал, он метнулся тенью мимо Синицкой, одним точным движением снес неповоротливого и грузного Петровича с ног, и тот, смешно охнув, упал.

А незнакомец в черном уже неся вперед из церкви на выход, через открытую галерею, подальше от мощей святого Блаженного.

Синицкая отмерла, подбежала к Петровичу, они вместе вызвали полицию и «Скорую» для охранника Виктора Седова. По инструкции позвонили и директору музея – Злате Ильиничне Куликовой, чтобы та проверила сохранность вверенного ей имущества.

Пока ждали подкрепления, Лена вместе с Петровичем пила в подсобке сладкий горячий чай вприкуску с валерьянкой. Ее все еще трясло и через полчаса, когда наконец-то приехал следователь Владимир Яшин вместе с командой полицейских. Охранника Седова увезли на «Скорой», врач заверил, что с ним будет все в порядке.

Яшин выглядел еще хуже, чем днем. Весь помятый и осунувшийся, с воспаленными глазами. Он явно не тянул на защитника обиженных и оскорбленных.

«Да его самого лечить нужно, а то и спасать», – с недоумением подумала Лена.

– Итак, снова здравствуйте, повторяю вопрос – вы всегда, Елена Андреевна, ставите будильник на полпервого ночи? – устало потирая переносицу, спросил Яшин.

Лена откинула льняную прядь волос за ухо, представив себе, как она сейчас выглядит – бледная, выжатая как лимон, да еще и трясется от пережитого страха, как при лихорадке. А еще на следователя наговаривает! Вон он как на работе горит!

– Я иногда засыпаю на рабочем месте, потому для встряски, чтобы не отключиться, каждый час у меня будильник звенит. Если я бодрствую, то будильник сразу отключаю, – тихо промямлила она.

Объяснять этому следователю с красными глазами про такую дурацкую привычку и про то, что она, бывает, дрыхнет на работе, было очень неприятно.

Яшин сразу ухватился за эту несостыковку:

– А что вы делаете на работе ночью? Ваш рабочий день, насколько я помню, заканчивается в восемнадцать ноль-ноль? – строго спросил он.

«Откуда он знает, во сколько мой рабочий день заканчивается? Может, он у меня вообще ненормированный?» – удивилась про себя Сеницкая.

– По ночам, конечно же, по договоренности с начальством, я здесь работаю над диссертацией. В храме находятся уникальные письменные источники, которые необходимы мне для научной работы. Можете у Златы Ильиничны уточнить, – с обидой добавила она.

– Хорошо, я так и сделаю. А какая тема вашей работы? – прищурившись, спросил следователь.

– Тема моей работы? Не думаю, что вам это интересно. Но я отвечу – моя тема: «Московские святые шестнадцатого века». В частности, большой акцент в работе я делаю на архитектурном ансамбле храма Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, где мы с вами сейчас и находимся! – гордо ответила Сеницкая.

– Храм, что на Рву. Снова святой Василий, – тихо промолвил Яшин. – Вы мне еще расскажите, что делал ваш таинственный грабитель у могилы Василия Блаженного.

– Во-первых, это не мой грабитель, во-вторых, он даже не грабитель, так как ничего не украдено, в-третьих, я понятия не имею, что он здесь делал. Я видела его только со спины, он сидел на корточках возле раки святого и что-то там делал! Что – не знаю. Может быть, молился? – предположила Лена.

– Ага, как же, молился! В полпервого ночи, перед этим отключив сигнализацию, чуть не укокошив одного охранника и чуть не убив вас. Больше же ему помолиться негде! К тому же учитывая, что днем произошла загадочная смерть еще одного странного товарища, опять же бывшего членом вашей группы любителей экскурсий.

Лена немного надулась и с обидой сказала:

– Вы так говорите, будто это я сначала днем придушила должовязого, а потом ночью привела сюда грабителя!

– Все может быть, – задумчиво произнес Яшин. – Я вас попрошу хотя бы в ближайшие сутки ни во что не ввязываться и держаться подальше от всего, что связано с Василием Блаженным. Да, и не уезжайте из города.

– Я и не собиралась, – буркнула Лена.

Тут в коридоре раздался громоподобный голос приехавшей директрисы.

Злата Ильинична была женщина колоритная во всех отношениях. Большая и статная, с выразительным бюстом и тремя не очень выразительными подбородками. В музее называли ее не иначе, как Генеральша. Петр Петрович добавлял, что Ильинична могла бы парадными командовать, причем даже без микрофона. Ее звучный глас было слышно во всех концах музея. Сейчас же она, судя по всему, искала именно научного работника Елену Сеницкую.

Яшин пожал плечами и по телефону разрешил пропустить директрису Куликову в кабинет.

– Что у вас тут происходит, я у вас спрашиваю? Почему меня в три часа ночи выдергивают из дома? – нависая над следователем всем своим дородным телом, вопрошала директриса.

Яшин улыбнулся и мило и спокойно ответил:

– Присаживайтесь, Злата Ильинична, с вами я тоже очень хочу побеседовать!

– Нет, я не сяду. Немедленно объясните, что тут творится! На каком основании... – принялась кричать Куликова.

– А ну сядь, – негромко, но властно сказал следователь, да так, что директриса, смешно лоя губами воздух, как выброшенная на берег рыба, плюхнулась в кресло.

Синицкая, поймав взгляд следователя, одними губами прошептала:

– Можно я пойду?

Но тут ее заметила грозная директриса:

– Ага, Синицкая, ты тоже тут! Я так и знала, это все из-за тебя. Эх, чуяло мое сердце, нельзя тебе разрешать ночью тут ошиваться. Небось ты с собой мужика притащила, а тот решил нас ограбить! Я все понимаю, дело молодое! Но грабеж?

Синицкая в мгновение покраснела до корней волос.

Да как Куликова может так думать и такое говорить, подозревать ее?! Да Лена тут работает ночами, как проклятая, не зная ни покоя, ни сна. Какие мужики – тем более бандиты, – ей диссертацию сдавать скоро!

Но сообщить все это вредной бабе Лена не успела. К ней на помощь подоспел следователь Яшин:

– Злата Ильинична, смею вас заверить, что только благодаря Елене Андреевне удалось остановить преступника. Ваш научный работник Елена Синицкая смогла сберечь музейные ценности, не побоялась дать отпор грабителю. А с вами я буду серьезно беседовать на предмет того, почему меры безопасности в самом центре столицы на таком примитивном уровне. Почему у вас всего два ночных охранника и такая простая система сигнализации, которую легко отключить грабителю? У вас же здесь уникальные сокровища шестнадцатого века, древние иконы, старинные книги. Вы представляете, какую они имеют не только историческую, но и финансовую ценность?! И что будет с вами, если что-то пропадет?! – тихо, но твердо спросил у Куликовой следователь.

Та осела в кресле, просто стекла по нему вниз, схватившись за сердце:

– Леночка, скажи, пожалуйста, ничего не пропало? Удалось все осмотреть? – слабым голосом пробасила она.

«Уже „Леночка“? Не та вертихвостка, что на работу мужиков водит?» – со злорадством подумала Синицкая.

– Нет, Злата Ильинична. Судя по всему, ничего не пропало, – вслух сообщила она.

– Нужно утром провести ревизию, обзвони всех – и Толечку, и Эмму Эдуардовну, и Попову сообщи – завтра с утра они мне все нужны. Уже не завтра, а сегодня, получается, – посмотрев на дорогие часы, заявила директриса. – А ты, Лена, извини, погорячилась я. Ты можешь на три дня взять больничный, отсидись дома, отдохни, все равно тут ревизию делать будем, – нехотя добавила Злата Ильинична.

Лена сухо поблагодарила и даже не спрашивая разрешения, просочилась на выход. Ей срочно требовался горячий чай и очередная таблетка валерьянки, лечить расшатанную нервную систему.

* * *

На часах было полпятого утра. К этому моменту Синицкая влила в себя уже не меньше шести чашек крепкого сладкого чая. В голове все еще шумело, но вызывать такси Лена не спешила. Она боялась оставаться одна дома. Она все еще видела перед собой прищуренные, горящие ненавистью глаза злоумышленника и нож с зазубренным лезвием. Только чудо спасло ее от смерти. Или чудо, или молитвы ко всем святым, которые девушка судорожно вспоминала перед лицом неминуемой смерти.

Уже, конечно, нервы немного успокоились, но все равно Сеницкая не представляла, что она будет делать одна дома: лечь спать в пять утра – тоже не вариант, лучше на бесконечных чашках кофе продержаться до вечера.

Сейчас появилось время, чтобы подумать обо всех произошедших событиях – что искал незнакомец в черном у могилы Василия Блаженного? Кто убил профессора Плотникова? От чего умер долговязый парень днем в храме? И как все эти события связаны между собой? И почему везде встречается святой Василий, как он с этими преступлениями-то связан?

Было над чем подумать!

Елена Сеницкая обожала читать детективы (как классические, так и не брезговала современными ироническими), смотреть криминальные сериалы, пыталась раньше киношного сыщика найти настоящего убийцу. Иногда это у нее получалось, чему она бывала безумно рада.

Потому криминал, внезапно нашедший ее на собственной работе, и экстремальные приключения, с ним связанные, Сеницкую безумно интриговали.

Оперативная бригада наконец-то закончила собирать улики, и криминалисты, подхватив свои необъятные чемоданчики, заковыляли к выходу.

Тут, как чертик из табакерки, возник в дверях следователь Владимир Яшин. Его глаза были еще более воспалены, чем каких-то два часа назад.

«Точно, больной. Надеюсь, это не заразно!» – обреченно подумала Сеницкая и машинально отодвинулась от красноглазого.

От Яшина не укрылось ее движение. Казалось, его это только позабавило.

– Мы наконец-то закончили разговор со Златой Ильиничной и с охранником Петром Смирновым. А вы все еще здесь? – поинтересовался строгим голосом следователь.

Лена недовольно нахмурилась. Она что, должна отчитываться перед ним?

– Я все еще тут. Нервы успокаиваю. – И, поддавшись какому-то импульсу, добавила: – Если честно, я боюсь одна домой ехать.

– Хм... – протянул Яшин. – Я вас хорошо понимаю. А давайте сделаем так, я вас подвезу куда нужно, а вы мне немного поможете. Насколько я понял, вы специалист по храму Василия Блаженного? И неплохо знали Ивана Васильевича Плотникова. Я могу с вами проконсультироваться по двум этим темам? Обещаю долго не задерживать. – Он застенчиво улыбнулся, и даже его красные воспаленные глаза заискрились.

Его улыбка показалась Лене такой искренней, что она была готова согласиться на все. Ну, или не на все, но на очень многое.

– Конечно, – тоже улыбнулась в ответ Сеницкая. – Поехали.

Выйдя с черного входа музея и пройдя парочку кварталов до Ветошного переулочка, они подошли к неприметному серому «Опелю».

Яшин объяснил, что даже при всех своих корочках он парковаться на Красной площади у храма Василия Блаженного не имеет права.

Утренняя весенняя Москва была чудо как хороша. Первые ласковые лучи апрельского солнца золотили маковки церквей и крыши сонных домов. Весь центр утопал в зелени и цветах, и, глядя из окна автомобиля на это весеннее великолепие, Лена еще раз подумала о том, как же она любит столицу.

Да, шумную, да, многоголосую, да, с вечными пробками и хмурыми лицами, но вместе с тем такую светлую и праздничную – когда, конечно, столица бывает в настроении.

Сеницкая подумала, что Москва – как капризная барышня. Да, красотка, но с очень тяжелым характером. А еще, как любую кокетку, Москву пугало увеличение размеров, в том числе на юг.

Размышляя об этом, девушка немного задремала, хотя не намеревалась этого совсем сегодня делать.

Проснулась она минут через тридцать, уже у собственного подъезда в Отрадном, куда привез ее заботливый следователь. В ожидании, когда девушка проснется, он читал какую-то информацию на своем мобильном.

– Ой, извините! – сконфузилась Лена. – Давно тут стоите?

Яшин снова улыбнулся своей фирменной голливудской улыбкой.

Елена подумала, что даже воспаленные глаза его ничуть не портят. Да, просто милашка в форме!

Еще больше сконфузившись от таких мыслей, девушка порывисто выскочила из автомобиля и принялась искать в своей необъятной сумке «на все случаи жизни» заветные ключи. И, найдя их, открыла скрипучую подъездную дверь.

Небольшую двушку Лена, по счастливому стечению обстоятельств, получила в наследство от двоюродной бабушки, которую она никогда в жизни и не видела. Потому была дико, просто невероятно удивлена, когда та оставила своей внучатой племяннице двухкомнатную квартиру в Москве.

Что пришлось как нельзя кстати. После неудачного замужества, о котором Лена и вспоминать не хотела, она практически оказалась на улице, так что квартирка от бабушки была подарком небес в тот тяжелый для нее жизненный период.

Как говорят, от дурака женщины уходят хоть куда-нибудь, лишь бы уйти.

Так и Лена тогда просто сбежала, в один далеко не прекрасный день устав от капризов и безвольного эгоизма своего так называемого супруга.

Мать Лены давно жила за границей, выйдя уже в третий или даже в четвертый раз замуж – на сей раз за гражданина Канады. Своего родного отца Синецкая никогда и не видела, потому новость о наследстве от двоюродной бабушки сначала была принята как шутка, но шустрый юрист все объяснил, все проверил, дал прочитать соглашение о наследстве. Но Лена все равно в течение года вздрагивала от каждого стука в дверь, все ждала, что ее кто-то будет выгонять из так вовремя доставшейся двушки.

Небольшая квартирка в хрущевке, с малюсенькой кухней, в далеко не престижном спальном районе – зато своя собственная, зато сама себе хозяйка.

Все это вспоминала Лена, поднимаясь по лестнице на свой пятый этаж. Конечно, лифта здесь нет. Зато, как успокаивала себя Синецкая, не нужно на фитнес-зал тратиться, такой суперкардиотренажер для стройных ножек.

А ножки у нее были что надо, об этом заявляли многие представители мужского пола. Вот и сейчас, поднимаясь вслед на ней, следователь Владимир Иванович уже несколько раз кидал взгляды на ее щиколотки и красивые туфельки на каблуках.

Приготовив быстрый завтрак – яичницу и мини-блинчики с джемом, переодевшись в легкое домашнее платье и наконец-то скинув каблуки, в которых Лена бегала уже с прошлого утра, девушка налила себе и гостю свежеприготовленный кофе, и, наблюдая, как парень неторопливо завтракает, наконец-то задала вопрос, который мучил ее со вчерашнего дня:

– Вы думаете, что профессора Плотникова убил наш ночной музейный посетитель?

Яшин чуть не поперхнулся очередным блинчиком.

– С чего вы, Елена Андреевна, это взяли? И вообще это оперативная информация, – и густо намазал блинчик вишневым вареньем.

Лена хмыкнула.

– Оперативная информация, говорите? Так вы же собирались сделать меня консультантом в этом деле, я вас правильно поняла?

С набитым ртом Владимир Иванович кивнул.

– Ну так вот, – продолжила Лена. – Если я оперативный консультант, то, наверное, имею право знать подробности этого дела!

Она испытующе уставилась в глаза Яшину.

Тот глубоко вздохнул, вытер рот от варенья салфеткой. Лена не могла не отметить, какие у него красивые чувственные губы, и снова сконфузилась.

Яшин, заметив ее смущение, ухмыльнулся и, вытащив свой телефон, потыкав в клавиши, показал Сеницкой фотографию.

– Вот о чем, Елена Андреевна, я хотел вас спросить. Вы, наверное, знаете окружение профессора Плотникова, с кем он работал на кафедре. Как вы думаете, кто у вас там в университете подходит под это определение?

На фотографии был запечатлен лист из научной работы профессора Плотникова, измазанный чем-то красным.

Лена, зажмурившись, поняла, что это явно не вишневое варенье, а, скорее всего, кровь, настоящая кровь. Внизу листа крупным почерком Ивана Васильевича (его почерк Лена узнала бы из тысячи, так как вся ее диссертация была им исписана), была сделана надпись: «*оп. ску... знает*».

После буквы «у» или закорючки, ее обозначающей, стояла крупная красная клякса. Дальше что-то неразборчивое.

– Что это? – спросила Лена.

– Посмертное послание от профессора Плотникова, – споро жуя очередной блинчик, ответил Яшин.

– Это его кровь? – побледнев, спросила Лена.

Одно дело читать о кровавых преступлениях в бульварных книжках и дешевых детективчиках, другое дело – понимать, что эта красная клякса – кровь ее обожаемого учителя, преподавателя, да и просто хорошего человека.

Лена прижала руки к лицу, оно пылало.

Владимир хмуρο кивнул.

– Да, кровь. Вы сами хотели узнать подробности дела! – заметил он.

– Да, да, извините. А кто такой «ску»? – успокоившись, спросила девушка.

– Вот об этом «ску» или «ку» – там неразборчиво написано – я и хотел вас спросить! У вас есть в университете кто-то с такой фамилией? – приняв деловитый тон, поинтересовался следователь. – Эту записку мы нашли на столе профессора Плотникова, ее он написал, уже будучи при смерти, понимая, что счет идет на секунды, он что-то пытался до нас донести, – объяснил Владимир.

– Вы думаете, это имя убийцы? – поразила Сеницкую догадка.

– Скорее всего. Если вам остается жить несколько секунд, то логично написать для полиции имя преступника, вы так не находите?

– А что такое «оп»? – разглядывая записку, спросила Лена.

– Не знаю точно. Там кровь попала, много неразборчиво. Но этот «*оп. ску*» что-то явно знает, это пытался сообщить Плотников. Подумайте, Лена, кто у вас в вузе или в ближайшем окружении профессора имеет фамилию, начинающуюся на «Ску» или «Ку»?

Лена ненадолго задумалась, потом сказала:

– Знаете, у нас на кафедре русской истории есть профессор Скурвин, но он не имеет отношение ко времени Василия Блаженного, он занимается двадцатым веком – большевиками, съездами КПСС и сталинской эпохой.

– Отлично, профессор Скурвин, а как его инициалы?

– Олег Павлович, это, выходит, и есть «оп»? – Лена изумленно закрыла рот руками.

– Хм, очень складно выходит, надо навестить этого Олега Павловича, – потер руки в предвкушении следователь Яшин.

– Но вы не знаете Скурвина, этот старичок сам дышит на ладан, ему восемьдесят семь недавно стукнуло. Он совершенный божий одуванчик, не от мира сего. Кроме своей работы,

он ни о чем говорить не может! Не могу поверить, что он мог пырнуть Плотникова ножом! Он еле ходит, куда ему ножами орудовать, – покачала головой Лена.

– Все равно надо его проверить, и божию одуванчики иногда способны на убийство, – твердо произнес Яшин.

– Но в записке написано, что «*оп. ску*» что-то знает, а не что он убийца! – резонно заметила Сеницкая.

– Трезвое замечание, а кто-нибудь у вас в универе еще есть на «*ску*»?

– Есть у нас аспирант Курочкин, мой ровесник. Он на «*ку*». Зовут его Алексей, отчество не помню, – немного подумав, ответила Елена.

– А может, тут и не «*оп*», а «*ап*», или даже «*ан*», – рассматривая надпись, заметил Яшин, – тут все очень неразборчиво.

– Всех студентов Плотникова я не знаю, но у него занимались все пять курсов, там, возможно, есть с подобными фамилиями. Это надо в деканате узнать. Детей и внуков у Ивана Васильевича не было, работала у него одна Антонина Сергеевна, баба Тоня, приходящая домработница. Но он был очень компанейский человек, его все любили в университете, и студенты, и аспиранты, и коллеги, – непрошенная слеза скатилась по щеке девушки. – Кто же мог его убить?

И уже не стесняясь, Сеницкая заревела в полный голос. Она уже не обращала внимания на Яшина, который бестолково забегал по кухоньке, пытаясь ее успокоить. Со слезами у Лены выходило нервное потрясение последнего суматошного дня.

Яшин скрылся в ванной, нашел там аптечку, накапал в стакан пару капель валерьянки и сунул его Лене под нос. Сеницкая, все еще в слезах, оттолкнула его руку с лекарством и скрылась в недрах ванной.

Там, включив кран, принялась долго и с надрывом рыдать, вспоминая профессора Плотникова, нож в руках незнакомца из музея. Перед ее глазами прыгал храм Василия Блаженного, с икон которого смотрели с жалостью и сожалением святые.

1558 год. Город Москов Стройка на Троицком подворье, ныне Красная площадь

– А еще Василий ох и мудрен был, и прозорлив гораздо. Он будущее предрекал как обычным людям, таким, как мы с тобой, так и, поговаривают, даже царю-батюшке, всему граду Москов и стороне нашей родной пророчествовал. Вот ты знаешь, Ванюшка, что он про страну нашу говорил? Нет, головой машешь, то-то же. А Василий всю правду чистую вещал.

Подросший Иван неуверенно мотнул головой:

– Все ты, дядька Никодим, придумываешь! Опять своими сказками потчешь, работать надо, а ты лясы чешешь.

– Ничего не придумываю, слушай сюда, только тихонько, – дальше он заговорил шепотом. – Я, еще когда молод был, частенько Василия слушал, запоминал его слова, авось в жизни чаво пригодится. А теперь хочу тебе свое знание передать. Чтобы память о Василии Блаженном и его чудесах сохранилась. Память у меня до сих пор хорошая. Вот слово в слово помню: «...Не может люд российский жить без кнута. Уж сколь страшен мой друг и кровопиец Ивашика Грозный, уж сколько проклятий высыпано на его голову, яко зола от сожженных душ, а будут чтить его как самодержца великого». Вот как говорил Василий.

Ваня от изумления зажмурился, закрыл уши и замотал головой:

– Окстись, окаянный. Ты что, Никодим, мне тут крамолу и клевету на царя-батюшку вешаешь?! Да за такие слова нам обоим языки отрежут и кожу спустят. Я ничего не слышал от тебя и слышать не собираюсь, а будешь еще такие речи вести – я сам на тебя донесу государевым людям. Ишь чего удумал!

От возмущения Иван покраснел до ушей, подскочил с лавки, на которой сидел и отесывал небольшие камешки для строительства. Его глаза горели праведным гневом, только преклонный возраст старого Никодима и уважение к нему не позволяли дать ему по морде за святотатство в отношении царя Иоанна Васильевича.

– Да сядь ты, молод, видать, еще. Не понимаешь многого, Ваня. Или для тебя в диковинку, что на самом деле происходит в государстве? – так же тихо, но твердо спросил Никодим.

– Ничего не слышу, ничего не вижу. – Ваня снова закрыл уши руками и зажмурился. Потом, чуть отдышавшись, открыл один глаз и спросил: – Так царь-батюшка наш почитал и уважал Василия Нагого? Я слышал, после того смерти сам царь Иван Васильевич и важные бояре на руках несли гроб юродивого, а отпевание проводил митрополит Макарий.

– Все так, все так и было. Вот те крест, я сам там присутствовал. А про будущее пророчества узнать хочешь?

– Нет уж, дядюшка. Хватит на сегодня пророчеств, если хотим до утра дожить и в особый приказ не загреметь. Да и работать надо.

Иван демонстративно отвернулся от Никодима. Старик недовольно закашлял, вот уже пару месяцев мучила его немочь старческая. От каменной крошки при строительстве першило горло, но умереть, не передав свои знания новому поколению, Никодим никак не мог.

– О-хо-хо, – по-стариковски закашлял он, а сердце заныло от нехорошего предчувствия...

Москва. Наши дни Где-то в Отрадном

– ...За Ивашкой Грозным будет много царей, но один из них, богатырь с кошачьими усами, злодей и богохульник, наново укрепит русскую державу, хотя на пути к заветным синим морям поляжет треть народа русского, аки бревна под телеги... И буде долго править третий душегуб. И ради грозного порядка в великой державе усатый этот царь из диких горцев положит на плаху и всех сотоварищей своих, и друзей верных, и тысячи тысяч мужей и женок... Сожгут и уничтожат малые и великие храмы. И потом отстроят их. Но Бог не вернется в них, ежели служить в новых храмах будут не ему, а злату. И тогда бедный люд вновь отвернется от церквей наших... И буде Россия целый век жить без царя и прольет реки своей крови. И потом посадят на престол несмышленного юношу, но вскоре его вместе со свитой объявят самозванцами и погонят с Руси... Долго будет продолжаться в царстве великая смута, пока ее не оставит великий воин, призванный всем народом нашим... – Елена Синицкая оторвала взгляд от книги и уставилась в ярко-голубые, но еще воспаленные глаза следователя Яшина.

Тот почесал нос и заметил:

– Все это, конечно, очень интересно, но я не вижу никакой связи пророчеств юродивого шестнадцатого века с нашими современными убийствами.

Лена нахмурилась и, немного замямвшись, сказала:

– Но вы же сами попросили рассказать вам поподробнее о личности Василия Блаженного. Ведь все эти преступления так или иначе связаны с ним. Он – святой, чудотворец, пророк. Он предсказал правление Петра Первого: «богатырь с кошачьими усами», который «на пути к заветным синим морям» положил треть населения. Василий Блаженный предсказал правление Сталина: «усатый царь из диких горцев», что положил на плаху тысячу людей. – Лена рассказывала с жаром и азартом, глаза ее горели живым огнем. – Потом пророчества об уничтожении храмов и церквей, о том, что царей не будет. Даже некоторые исследователи трактуют предсказания так, будто в них было о приходе к власти Путина, и...

– Так, стоп-стоп, про Путина давайте не будем, Елена Андреевна. Так мы совсем отойдем от нашего исследования и залезем в густые политические дебри. Все это весьма познавательно, я признаю великий дар пророка и чудотворца у Василия Блаженного. Хотя во все это я не очень-то и верю, но все-таки кто и зачем убил Плотникова в его собственном кабинете и оставил практически лежащим на монографии о том самом святом Блаженном, и что искал таинственный посетитель в храме, и кто такой «оп. ску»? – все это я надеюсь выяснить с вашей помощью. – Он улыбнулся Лене озорной располагающей улыбкой, от которой девушка просто растаяла.

– Хорошо. Не будем углубляться в политику, просто я хотела вам рассказать о колоритной фигуре Василия Блаженного, – тем не менее недовольно пробормотала она.

– Вы мне лучше о храме Василия расскажите, – заискивающе попросил Яшин.

– Храм называется собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, строительство велось предположительно с тысяча пятьсот пятьдесят пятого по тысяча пятьсот шестьдесят первый годы, – сложив руки на коленях, тоном заправской отличницы перед экзаменатором принялась рассказывать Лена. – Собор объединяет одиннадцать церквей-приделов, часть из которых освящена в честь святых, дни памяти которых пришлись на решающие бои за Казань. Центральная церковь сооружена в честь Покрова Богородицы, вокруг нее группируются отдельные церкви в честь: Святой Троицы, Входа Господня в Иерусалим, Николы Великорецкого, Трех Патриархов: Александра, Иоанна и Павла Нового, Григория Армянского, Киприана и Иустины, Александра Свирского и Варлаама Хутынского. Они размещены на

одном основании-подклете. А также имеется придел в честь нашего с вами знакомого Василия Блаженного, по имени которого храм получил второе, более известное название, и церковь Иоанна Блаженного, вновь открытая после длительного запустения в ноябре две тысячи восемнадцатого года. Собор входит в российский Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО и является филиалом Государственного исторического музея, где я и работаю, – Сеницкая сделала небольшую передышку.

– Все это весьма интересно, но я могу это же прочитать и дома в Википедии, – сурово процедил Владимир. – Вы не ответили на вопрос, почему именно здесь убивают людей?

Лена вспыхнула:

– Да откуда я знаю, почему именно здесь убивают людей?! Как будто я их здесь убиваю! Вам не угодить, про пророчества о будущем – не надо, про собор – не надо. Так что вам рассказать? – гневно воскликнула девушка.

Ей было еще неловко после сцены в ванной, когда она, поддавшись эмоциям, вдоволь нарыдалась, а потом Яшин долго успокаивал ее валерьянкой и чуть ли не гладил по головке.

С одной стороны – да, неудобно, стыдно перед посторонним человеком, причем перед симпатичным мужчиной, да еще и пришлось выходить из ванной с красными глазами заплаканными, с распухшим носом – тоже мне, красавица.

Но он должен понимать, что она все-таки женщина, а эмоции прекрасному полу не чужды.

Лена кинула на него неприязненный взгляд. То по головке гладит, то бездушного робота включает.

– Ладно, извините меня, Елена Андреевна. Я сам не знаю, какая информация по храму мне от вас нужна. И, наверное, я поеду, засиделся уже. Спасибо за завтрак, за чай, за лекцию по истории. Извините, если что. Вот моя визитка. Если что-то вспомните, звоните в любое время дня и ночи. И еще раз извините, – отчего-то сконфузился следователь.

Лена хмыкнула и пошла провожать гостя в прихожую.

* * *

«Так, сегодня уже поспать не получится – нужно заехать в деканат, узнать, что же теперь делать с диссертацией и кто мой новый научный руководитель» – так рассуждала Лена, записывая в сумочку многострадальный ноутбук и бумаги по научной работе.

Милашка-следователь уже укатил, потому придется добираться до вуза на метро. Хотя уже далеко не раннее утро, в подземке такой толкучки нет, можно благополучно доехать в другой конец Москвы.

Лена, накинув светло-оливковый плащ и сменив туфельки на удобные и комфортные балетки, заспешила в сторону метро.

* * *

На кафедре скучала Марианна Владимировна, секретарь декана исторического факультета Натана Юрьевича. Сегодня веселушка и болтушка Марианна выглядела какой-то помятой, заметно похудевшей и с черными кругами под глазами, даже яркая рыжая шевелюра и боевой макияж не добавляли радости в ее облик.

Увидев Сеницкую, она обрадовалась, через силу улыбнулась и зашептала:

– Ах, Леночка, ты уже знаешь? У нас горе! У нас такое горе! Иван Васильевич... Он... Его... – дальше ее слова прервались обильными рыданиями.

Лена ободряюще погладила Марианну по полной пухлой руке, унизанной серебряными кольцами с камнями всевозможных цветов и размеров.

Любовь к серебру у Марианны Владимировны давно стала притчей во языцах для всех студентов и работников деканата. Зато никогда не возникало проблемы, что же дарить трепетной секретарше на день рождения или Новый год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.